

Дарья Юдина

ТИПОЛОГИЯ АКТИВИСТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЗДОРОВЬЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Изучение онлайн-активизма в сфере здоровья нуждается в новых теоретических моделях в силу изменившейся под воздействием цифровизации публичной среды. Благодаря особенностям цифровой коммуникации в социальных медиа, масштабировались и стали более устойчивыми формы объединения граждан, которые ранее проявляли себя на локальном уровне и/или носили эпизодический характер. Одновременно «традиционные» организации, которые представляют интересы разных социальных групп в отношении здоровья, доступа к медицинской помощи и т.д., также заняли свое место в цифровом публичном пространстве. Цель нашего теоретического анализа состояла в создании типологии активистских объединений здоровья, присутствующих в социальных медиа, которая дает возможность их сравнивать между собой и анализировать как акторов публичного пространства. Для ее построения мы использовали ключевые элементы теории социальных движений: условия для коллективного действия, идентичность, типы социальных связей (сильные и слабые) и эмоции. Основываясь на этих переменных, мы описали четыре основных типа онлайн-сообществ здоровья в зависимости от того, что является их главным объединяющим фактором: формальная структура, экспертиза, политически заряженные эмоции или конкретные люди, нуждающиеся в медицинской помощи. Взяв за основу модель множественных публичных сфер, предложенную Элизабет Бриз, мы разделили эти онлайн-объединения относительно того, каким потенциальным влиянием они обладают на институциональную среду и социальную группу, интересы которой представляют. Измерения, вдоль которых мы расположили каждый тип активистских онлайн-сообществ, включили в себя потенциал влияния (политический/гражданский) и наличие/отсутствие оффлайн-представительства в публичной сфере. Последняя

Дарья Игоревна Юдина – ведущий специалист, Центр прикладной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6603-0697>, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: d.yudina@spbu.ru

дихотомия позволяет учитывать, могут ли активистские объединения напрямую, от своего имени, взаимодействовать с формальными институтами государства. Разработанная типология активистских онлайн-объединений здоровья повышает качество эмпирических исследований цифрового активизма, а также позволяет включить такие формы социальных движений в нормативный анализ.

Ключевые слова: онлайн-активизм, сообщества здоровья, социальные движения, социальные медиа, публичная сфера

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-259-274

Развитие социальных медиа и освоение Интернет-пространства разными социальными группами наполнили исследователей в области социальных наук большим оптимизмом, связанным с облегчением доступа к данным (Barbier 2011). Особенно повезло тем, кто занимается изучением труднодоступных групп, которые стали таковыми из-за стигматизации, отсутствия связи с какой-либо организацией или территорией, где их можно найти, или в силу своей малочисленности. К таким группам могут быть отнесены различные сообщества, которыми интересуются исследователи общественного здоровья: люди с ВИЧ, сторонники альтернативной медицины, наркопотребители, антивакцинаторы и т.д. Благодаря развитию социальных медиа они стали более доступны для изучения.

Эти онлайн-сообщества также могут рассматриваться как активистские объединения, если они обладают потенциалом воздействия на институциональную среду или социальную группу. Вначале некоторые социологи со скепсисом отнеслись к идее влияния социальных медиа на активизм и как к существенной силе социальных изменений. Он подпитывался тезисом, что для выражения гражданской позиции людям больше не нужно собираться оффлайн, а значит такие коллективные действия остаются только в виртуальном мире (Skoric 2012). Как показали дальнейшие исследования, более простые коммуникации, осуществляемые в цифровой среде, сделали политическое и гражданское участие доступным для большего числа людей (Cammaerts 2015) и усилили некоторые механизмы солидарности, что безусловно повлияло и на институциональную среду.

При этом по своему политическому потенциалу активистские сообщества в целом, и принадлежащие сфере здоровья в частности, не одинаковы. Мы интуитивно понимаем, что онлайн-сообщества некоммерческих организаций и неформальных объединений людей с общими проблемами, имеют совсем разный характер воздействия на систему здравоохранения и на поведение людей в отношении своего здоровья. Для того чтобы учитывать ключевые различия между разными видами объединений здоровья, присутствующих в социальных медиа, необходима их типология. Причем она необходима не только для оценки потенциала влияния некоторой

группы онлайн-сообществ, но и как методологический инструмент, который позволяет рассматривать разные по своей природе цифровые объединения в одном исследовании.

Надо отметить, что существует типология, характеризующая разные виды активизма в сфере здоровья, разработанная Хезер Золлер. Социолог разделила такой активизм на четыре группы относительно двух оснований: масштаба изменений (полное или частичное изменение практик), на которые они претендуют; и направление воздействия – институты или социальные группы (Zoller 2005). Это концептуальное разделение хорошо подходит для анализа социальных движений здоровья в макромасштабе, когда они оцениваются по тому, каких стратегических целей стремятся достичь исходя из собственного набора ценностей. Однако для анализа особенностей конкретных активистских объединений в социальных сетях эта типология подходит не совсем. Во-первых, потому что не учитывает сообщества, организованные вокруг неполитического, гражданского взаимодействия, у которых нет ценностной идеологии (по крайней мере, она не заявляется). Во-вторых, модель Золлер включает социальные движения в целом, а не отдельные объединения в качестве участников публичной сферы, что не позволяет концептуально отделить, например, онлайн-странички НКО от фандрайзинговых сообществ родственников и друзей больного. Типология активистских объединений также может использоваться для нормативного анализа: оценки присутствия в публичном пространстве деструктивных групп, эффективности влияния социальных движений на институциональное развитие и т.д. В нашем теоретическом анализе мы не будем подробно разбирать эту тему, но уделим ей внимание как перспективному направлению изучения активистских онлайн-сообществ в сфере здоровья.

Цель этой статьи состоит в создании типологии активистских онлайн-сообществ здоровья, которая определяет их потенциал влияния на граждан и систему здравоохранения. Поскольку социальные медиа представляют собой публичную сферу, в которой разные публичные акторы/игроки/публики соревнуются за внимание и активность пользователей, то в качестве основы для измерения их потенциала влияния мы использовали категоризацию сильных и слабых публик, предложенную Нэнси Фрейзер (Fraser 1990), и модель множественных публичных сфер, разработанную Элизабет Бриз (Breese 2011). Я полагаю, что возможное влияние разных активистских онлайн-сообществ на людей и институциональную среду зависит от внутреннего устройства этих объединений. Прежде всего от механизмов, которые стимулируют, подталкивают или заставляют людей вступать друг с другом во взаимодействие ради определенных целей. Чтобы определить, что может выступать в качестве таких механизмов и целей объединения, рассмотрим соответствующие теории социальных движений, в рамках которых эти элементы активистских объединений уже изучены.

Активизм в теории социальных движений

Изучению активистских объединений посвящены многочисленные социологические теории и исследования, которые объединены общим полем изучения социальных движений (Millward, Takhar 2019). Марио Дьяни, обобщив разные подходы к социальным движениям, предложил для них следующее определение: социальное движение – это сеть неформальных взаимодействий между множеством людей, групп и организаций на основе общей идентичности, которые вовлечены в политический или культурный конфликт (Diani 1992). В этом определении кратко отражены разные представления социологов о социальных движениях и их роли в общественном устройстве. Далее мы раскроем важные элементы социальных движений, которые неявно указаны в этом определении.

Первый ключевой элемент – это причина объединения. При такой формулировке вопроса вспоминается классическая теория Макса Вебера о четырех типах социального действия, основу которых составляет мотив этого действия (Вебер 1990). Однако, как убедительно доказал Манкур Олсон в своем труде о логике коллективного действия (Olson 1971), совместные действия требуют от человека различных затрат, которые он, в соответствии с теорией рационального действия, захочет обойти. Так появляется проблема фри-райдерства (безбилетника), которая, в соответствии с выводами Олсона, решается институциональным принуждением. Таким образом, необходимые компоненты для образования и функционирования объединений людей – это общий интерес и организационная структура, которая раздает участникам набор обязанностей, поощрения за их исполнение и санкции за их избегание. Соответственно, для того чтобы существовать и добиваться своих целей активистским объединениям необходимо эту структуру создавать и поддерживать.

Стоит отметить, что выводы, к которым пришел Олсон, во многом были обусловлены центральным объектом исследований, который стоял за социальным движением – классом. Поскольку людей внутри класса объединяет лишь набор мнений и убеждений (McCarthy, Zald 1977), то для продвижения своих интересов им необходимы институциональные структуры, которые, в том числе координируют их действия. После переключения внимания с классов на другие социальные группы: этнические, гендерные, территориальные, социологи стали отмечать иные механизмы, поддерживающие существование активистских объединений. Так, Мануэль Кастельс через анализ городских движений выделил важную роль идентичности и каналов коммуникаций (Castells 1983). Идентичность представляет для людей внутри группы особую ценность, на поддержание которой они готовы тратить свои усилия. Поскольку люди внутри территориальной группы связаны между собой через личные или опосредованные знакомства, то они передают важную информацию и знания, что позволяет

им, принимая индивидуальные решения, сопротивляться сильным организациям, продвигающим интересы крупного бизнеса.

Длительное время теории социальных движений в качестве базового мотива коллективного действия рассматривали рациональный интерес, лишь небольшое количество концепций посвящены роли эмоций: например, структурный подход Кемпера (Kemper 2001), теория управления аффектом Хейса (Heise 1979). Джеймс Джаспер проанализировал работы, в которых изучались эмоции в рамках функционирования социальных движений (Jasper 2011). Исследователь показал, что эмоции подпитывают чувство солидарности, то есть являются средством для объединения людей. Вместе с тем совместное выражение эмоций может быть целью коллективного действия, что ярче всего демонстрируется в массовых протестах. Зачастую именно общее недовольство – главный мотив таких действий, а вовсе не рациональный политический интерес.

Вторым предметом изучения теорий социальных движений являются цели и результат деятельности активистских объединений. Марксистский подход рассматривает саму их деятельность как направленную на изменение институтов государства: их политики и принципов функционирования (Millward, Takhar 2019). Юрген Хабермас предложил несколько иную трактовку этого противостояния: люди объединяются, чтобы защитить свой жизненный мир от вмешательства институтов (Хабермас 2022). Эта интерпретация служит пониманию того, как устроены этнические объединения мигрантов в городах, которые рассматривал Кастельс. Очевидно, что такие группы не претендуют на смену политики, однако помогают своим участникам уклоняться от принуждающих институциональных механизмов.

Элизабет Армстронг и Мэри Бернштейн, проанализировав исследования в рамках новой теории социальных движений, обозначали другие цели активизма (Armstrong, Bernstein 2008). Так, в качестве объекта изменений выступают не отдельные государственные институты, а культура в целом – «система смыслов», как определяют ее авторы работы. То есть целью социальных движений становится также смена общественного мнения, нормативных установок, восприятия социальных групп и других элементов социальной жизни, которые являются результатом функционирования множества различных институтов. Кроме того, авторы отдельно выделили в качестве цели воздействия активистских объединений формирование групповой идентичности, которая рассматривается не только как инструмент вовлечения в коллективное действие, но и как репрезентация социальной группы. От этого, в том числе, зависит, как институты будут с этой группой взаимодействовать.

В результате нашего анализа ключевых элементов теорий социальных движений, мы получили следующие категории, которые будем использовать для построения типологии активистских онлайн-сообществ в сфере здоровья. Первая группа категорий – механизмы, объединяющие людей:

институциональная структура, общая идентичность, социальные связи, эмоции. Вторая – цели активистских объединений. Они разделяются на две подгруппы: цели относительно «внешнего мира» (изменение отдельного института или множества институтов, формирующих культурную среду, избегание столкновения с институтами) и направленные «внутрь», на социальную группу (мобилизация и адаптация). Обеим подгруппам принадлежит универсальная цель – смена или формирование идентичности группы, которая обращена и на институты, и на группу.

Используя определение социальных движений, которое мы привели в начале этого раздела, дадим определение активистскому объединению здоровья. В целом наше определение во многом повторяет предложенное Дьяни, однако мы обращаем внимание на рассмотренные ключевые характеристики общественных движений. Таким образом, мы понимаем активистское объединение здоровья как часть социального движения, которое объединено институциональными или неинституциональными механизмами солидарности, воспроизводит неформальные и формальные (если объединение обладает формальным статусом) взаимодействия между людьми, группами или организациями, цель которых – отстоять свой интерес в конфликте, вызванном определенным отношением к здоровью. Обратим внимание, что конфликт, как причину вовлечения в это взаимодействие, стоит понимать широко. Например, отношение к абортам в некоторых странах породило открытое противодействие двух движений «*pro-life*» и «*pro-choice*» (Meyer, Staggenborg 2008). Вместе с тем к активизму может подталкивать и неявный институциональный конфликт. В частности, некоторые схемы диагностики и лечения ряда заболеваний не учитывают интересы пациентов, они являются результатом определенной бюрократизации медицинской помощи. Сложности, которые в результате возникают у людей, нуждающихся в помощи, подталкивают их к объединению и обмену опытом в рамках неформальных сообществ (Dudina, Judina, King 2017).

Типология активистских объединений в социальных медиа

Механизмы объединения

Рассмотрим активистские объединения в сфере здоровья, присутствующие в социальных сетях, относительно механизма, который их создает. Наиболее «традиционный» вид активистских объединений – это организации с институциональной структурой. Чаще всего они имеют юридическую форму разнообразных негосударственных некоммерческих организаций (НКО) (Doh, Guay 2006; Ljubownikow, Crotty 2014). Поскольку процесс цифровизации создал правило, что если организации нет в социальных сетях, то ее как бы не существует, она становится невидимой,

НКО пришлось завести свои страницы. Соответственно, такие активистские объединения существуют оффлайн и онлайн. Свое сообщество в социальных медиа они могут использовать, например, для общения с благополучателями или для сбора средств (Брюхно 2022).

Активистские сообщества в сфере здоровья, которые присутствуют только в интернет-пространстве (*online health communities*), возникают вокруг определенной медицинской темы (например, прививок) или заболевания (Frost, Massagli 2008). До появления социальных медиа они могли бы стать некоммерческими организациями или остаться низовыми сообществами друзей и знакомых, однако сначала форумы, а потом социальные сети дали возможность людям обмениваться своим опытом, привлекать экспертов (врачей и ученых) и при этом обходиться без жесткой организационной структуры. Именно экспертиза – медицинская и/или пациентская составляет основу этих сообществ (Van der Eijk et al. 2013; Rueger et al. 2021). Эти знания распределены (обычно неравномерно) (Carron-Arthur et al. 2015) и передаются между участниками сообщества, которые связаны друг с другом зачастую общей идентичностью (через общий диагноз) и слабыми социальными связями (участники онлайн-сообщества чаще всего друг с другом не знакомы лично).

Еще одна разновидность активистских объединений построена вокруг участников с сильными связями между собой. Они представляют собой *face-to-face* сообщества здоровья, в которые вовлечены родственники и знакомые заболевшего, собирающие деньги на его лечение или оказывающие другую помощь ему и его семье (Bender et al. 2011). Такие объединения близких людей можно найти и на сайтах социальных сетей: цифровые медиа облегчают коммуникацию и позволяют вовлекать в общее дело людей посторонних, но сочувствующих. По опыту наших исследований, чаще всего такие онлайн-сообщества создаются для сбора средств на лечение онкологических заболеваний (Dudina et al. 2019).

Последний вид активистских сообществ получил большую устойчивость благодаря социальным медиа, которые создали условия для их относительно длительного присутствия в публичном пространстве. Основная причина создания таких объединений и их ресурс – это общая идентичность, подпитываемая общей эмоцией. На это указывали Беннет и Сегерберг, описывая логику коннективного действия (Bennett, Segerberg 2012). Зизи Папачариззи назвала эти сообщества «аффективными публиками» (Papacharissi 2016), выделив в качестве одной из их отличительных черт – ощущение непредставленности их мнений в доминирующей политической повестке. Яркими представителями таких общественных движений в сфере здоровья можно назвать возникшие в коронавирусную пандемию онлайн-сообщества ковид-диссидентов (Исупова и др. 2021) и противников вакцинации, которые внесли свой вклад в не слишком успешную государственную политику по борьбе с эпидемией (Roshchina et al. 2022).

Потенциал влияния

Чтобы оценить, какое (потенциальное) воздействие на институты и группы могут оказывать активистские онлайн-объединения здоровья, мы адаптировали концепцию множества публичных сфер, предложенную Элизабет Бриз (Breese 2011). В этой модели исследовательница объединила в одной классификации организации и сообщества, которые существуют в публичном пространстве и таким образом становятся акторами коллективного действия в соответствии с теорией Ханны Арендт (Арендт 2017), и те, что действуют в публичной сфере и являются источником общественного мнения согласно теории Юргена Хабермаса (2016). К категориям публичное пространство/публичная сфера Бриз добавила поле гражданской активности – те объединения, которые не влияют непосредственно на политические решения, но в значительной степени формируют частную жизнь граждан: локальные сообщества, сети дружбы, ТВ-шоу о личных отношениях и т.д. Разделение публичной сферы на политическую и гражданскую соответствует обозначенным нами видам эффекта воздействия активистских объединений на своих участников: мобилизационного и адаптационного.

Наибольшим потенциалом влияния обладают объединения, имеющие институциональную структуру. Являясь (относительно) сильной публикой, по определению Фрейзер (Fraser 1990), эти объединения могут влиять и на принимаемые решения, и на общественное мнение, а также помогать адаптироваться группам, оказавшимся в сложных ситуациях. В сфере здоровья эти организации обычно имеют юридический формат НКО и ради его сохранения часто вынуждены договариваться с государством, крупными спонсорами, что может приводить к их большому отрыву от групп, интересы которых они призваны защищать (Ljubownikow, Crotty 2016).

Как показал пандемийный (и не только) опыт (Исупова и др. 2021), сообщества, существующие на движке коннективного действия, могут некоторое время поддерживать высокий уровень популярности в социальных медиа, пока присутствует раздражитель, подпитывающий эмоции пользователей. Чаще всего коннективное действие не превращается в коллективное (которое воспроизводится не только недолговечными эмоциями, но и длительным рациональным интересом), и такие движения исчезают (Bennett, Segerberg 2012). Однако на время своего существования они могут стать сильной публикой, значительно повлияв на функционирование системы здравоохранения.

Активистские объединения, сформированные вокруг экспертизы, чаще всего остаются в пределах гражданской взаимопомощи. Они не стремятся формировать мнения своих участников и на политическое участие в рамках формальных институтов не претендуют (Schermuly et al. 2021). В рамках гражданской сферы существуют также онлайн-сообщества, образованные для помощи конкретному человеку. Это пример, пожалуй, самой слабой публики по Фрейзер, то есть у них мало

ресурсов и нет стремления влиять на систему здравоохранения или социальную группу.

Стоит обязательно подчеркнуть, что в нашей типологии представлены «чистые» типы. Так, многие НКО в сфере здоровья могут никак не принимать участия в политических решениях, ограничиваясь лишь «гражданским» предоставлением услуг, в то время как врачебно-пациентские сообщества и люди, помогающие своим родственникам, могут начать вести политическую деятельность. Однако длительное политическое участие подталкивает к созданию формальных структур, без него невозможна длительная политическая активность. Вместе с тем наличие формальной структуры обеспечивает руководителей НКО и активистов формальным статусом, что делает их, как минимум, заметными публичными спикерами, обладающими возможностью влиять на общественное мнение.

В своей модели Бриз также разделила политическую и гражданскую сферы на ту, в которой происходит личное взаимодействие между людьми (как в публичном пространстве Арендт) и где это взаимодействие опосредовано (как в публичной сфере Хабермаса). Это разделение в анализе онлайн-активизма не слишком функционально, потому что все публики, акторы и сообщества находятся в медиуме. Но это не означает, что в социальных медиа возможно формирование только общественного мнения, а коллективное действие происходит только оффлайн. Социальные сети еще больше размыли разницу между мнением и действием: комментарий к посту – это еще мнение или уже действие? Разделение на личное/медиативное публичное пространство в том виде, в котором предложила Бриз, бесполезно в анализе социальных медиа. Однако эту дихотомию можно интерпретировать в рамках оффлайн/онлайн разделения.

Как можно заметить, активистские объединения, имеющие организационную структуру, и сообщества близких людей, помогающие конкретному больному, существуют не только в онлайн, но и оффлайн среде в отличие от сетевых объединений, созданных вокруг эмоций или экспертизы. Важным преимуществом, которым обладают оффлайн-объединения, является их формальная репрезентация в институциональном поле. Некоммерческие организации могут обращаться с просьбами и требованиями к политикам, чиновникам, бизнесу, медицинским организациям от лица группы, интересы которой защищают. Эти возможности есть и у родственников больного, но в куда меньшем масштабе.

Таким образом, множество активистских объединений, представленных онлайн, разделяется на четыре идеальных типа: политически активные, постоянно функционирующие организации, как правило, работающие в формате НКО, объединенные общим структурным механизмом; политически активные, но не имеющие оффлайнового представительства сообщества, которых объединяют общие эмоции и которые подчинены логике коннективного действия; неполитические сообщества, созданные,

чтобы помогать людям с общими проблемами, их основной ресурс – это экспертное знание, которое может воспроизводиться при меняющемся наборе участников; сообщества, направленные на решение частной проблемы, связанной со здоровьем одного или нескольких человек, которые существуют, пока эта проблема не разрешится тем или иным образом (рис.).

Рис. Типы активистских сообществ здоровья в социальных медиа

Заключение

Заключительную часть теоретического разбора типов активистских объединений здоровья в социальных медиа мы посвятим возможному использованию предложенной типологии как инструмента нормативного анализа. Социальные движения рассматриваются социологами в качестве источника социальных изменений, необходимых для адаптации общества к новым условиям, интеграции интересов разных социальных групп в институциональную систему (Davis, Zald 2005; Schneiberg, Lounsbury 2008). Для этого необходимо, чтобы социальные движения поддерживались достаточно сильными публиками, которые будут способны разрешить конфликт с институтами или группами в свою пользу. Признаком того, что интеграционный механизм не срабатывает, может являться преобладание в публичной сфере социальных медиа активистских сообществ, созданных вокруг политически заряженных эмоций или помощи отдельным людям.

В качестве активистских объединений в сфере здоровья, которые используют эмоциональную идентичность как основной механизм солидарности, мы привели пример онлайн-сообщества антивакцинаторов

и ковид-диссидентов. Эти движения получили приток участников и стали особенно видимы в период массового недовольства граждан, на которое не смогли ответить государственные институты. Теории коннективного действия и аффективных публик также построены на кейсах массовых протестов (Bennett, Segerberg 2012; Papacharissi 2016), когда люди объединились и выплеснули свой гнев, а социальные медиа предоставили коммуникативную среду, где этот выплеск смог трансформироваться в совместные действия. Соответственно, выводы, которые эти концепции воспроизвели, предписывают онлайн-сообществам, созданным вокруг эмоциональной идентичности, быть маркерами серьезной институциональной дисфункции. Но касается ли это всех активистских объединений такого типа? Мы полагаем, что эта гипотеза еще не получила достаточного эмпирического подтверждения или опровержения.

Большое число онлайн-сообществ, в которые объединяются близкие человека, нуждающегося в медицинской помощи, могут быть свидетельством не только недостатков в работе определенных институтов, но и низкой реципрокностью (Putnam 2000), то есть атомизации части общества. Получается, что люди вынуждены действовать только с опорой на ближайший круг – сильные связи. Преобладание такого низового активизма может говорить о том, что движение за всеобщую доступность медицинской помощи проигрывает в борьбе за ресурсы институтам или другим движениям. Однако этот же факт может объясняться сложившейся традицией сбора средств на дорогостоящее лечение. Поэтому эта гипотеза также нуждается в проверке.

Дальнейшее развитие исследований онлайн-активизма в сфере здоровья связано не только с эмпирической проверкой гипотез, сформулированных в результате теоретического анализа, но и с совершенствованием методологического инструментария. В частности, предложенная типология активистских объединений может использоваться как концептуальная основа для создания и оценки качества выборки сообществ в социальных медиа, что усилит научную логику интернет-исследований. Например, благодаря этой модели у нас есть научные основания включать в выборку совершенно разные по своему происхождению, логике существования и составу участников онлайн-сообщества.

Выражение признательности

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22–18–00261 «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемических рисков: дискурсы, стратегии, агенты»

Список источников

Арендт Х. (2017) *Vita activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Брюхно А. С. (2022) Социальные медиа в деятельности российских некоммерческих организаций: факторы использования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 15 (3): 238–251.

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

Исупова О. Г., Рождественская Е. Ю., Лагерева А. Е. (2021) Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (5): 374–398.

Хабермас Ю. (2016) *Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества*. М.: «Весь Мир».

Хабермас Ю. (2022) *Теория коммуникативной деятельности*. М.: «Весь Мир».

Armstrong E. A., Bernstein M. (2008) Culture, Power, and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements. *Sociological Theory*, 26 (1): 74–99.

Barbier G., Liu H. (2011) Data Mining in Social Media. In: C. Aggarwal (ed.) *Social Network Data Analytics*. Springer: Boston, MA: 327–352.

Bender J. L., Jimenez-Marroquin M. C., Jadad A. R. (2011) Seeking Support on Facebook: A Content Analysis of Breast Cancer Groups. *Journal of Medical Internet research*, 13 (1): e1560.

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*, 15 (5): 739–768.

Breese E. B. (2011) Mapping the Variety of Public Spheres. *Communication Theory*, 21 (2): 130–149.

Cammaerts B. (2015) Social Media and Activism. In: R. Mansell, P. Hwa (eds.) *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. Wiley-Blackwell, Oxford, UK: 1027–1034.

Carron-Arthur B., Ali K., Cunningham J. A., Griffiths K. M. (2015) From Help-seekers to Influential Users: A Systematic Review of Participation Styles in Online Health Communities. *Journal of Medical Internet Research*, 17 (12): e271.

Castells M. (1983) *The City and the Grassroots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements*. University of California Press.

Davis G. F., Zald M. N. (2005) Social Change, Social Theory, and the Convergence of Movements and Organizations. In: G. F. Davis, D. McAdam, W. R. Scott, M. N. Zald (eds.) *Social Movements and Organization Theory*. Cambridge University Press: 335–350.

Diani M. (1992) The Concept of Social Movement. *The Sociological Review*, 40 (1): 1–25.

Doh J. P., Guay T. R. (2006) Corporate Social Responsibility, Public Policy, and NGO Activism in Europe and the United States: An Institutional-Stakeholder Perspective. *Journal of Management Studies*, 43 (1): 47–73.

Dudina V. I., Judina D. I., King E. J. (2017) Fears about antiretroviral therapy among users of the internet forum for people living with HIV/AIDS in Russia. *AIDS care*, 29 (2): 268–270.

Dudina V., Judina D., Platonov K. (2019) Personal Illness Experience in Russian Social Media: Between Willingness to Share and Stigmatization. In: Conference paper, *International Conference on Internet Science*. Springer, Cham: 47–58.

Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*, (25/26): 56–80.

Frost J. H., Massagli M. P. (2008) Social Uses of Personal Health Information within Patients-likeme, An Online Patient Community: What Can Happen when Patients Have Access to One Another's Data. *Journal of Medical Internet Research*, 10 (3): e15.

Heise D. R. (1979) *Understanding Events: Affect and the Construction of Social Action*. New York: Cambridge University Press.

- Jasper J. M. (2011) Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research. *Annual Review of Sociology*, (37): 285–303.
- Kemper T. D. (2001) A Structural Approach to Social Movement Emotions. In: J. Goodwin, J. M. Jasper, F. Polletta (eds.) *Passionate Politics*. Chicago: University of Chicago Press: 58–73.
- Ljubownikow S., Crotty J. (2014) Civil Society in a Transitional Context: The Response of Health and Educational NGOs to Legislative Changes in Russia's Industrialized Regions. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 43 (4): 759–776.
- Ljubownikow S., Crotty J. (2016) Nonprofit Influence on Public Policy: Exploring Nonprofit Advocacy in Russia. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 45 (2): 314–332.
- McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, (82): 1212–1241.
- Meyer D. S., Staggenborg S. (2008) Opposing movement strategies in US abortion politics. In *Research in social movements, conflicts and change*. Emerald Group Publishing Limited: 207–238.
- Millward P., Takhar S. (2019) Social Movements, Collective Action and Activism. *Sociology*, 53 (3): 1–12.
- Olson Jr. M. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups, with a New Preface and Appendix*. Harvard, University Press.
- Papacharissi Z. (2016) Affective Publics and Structures of Storytelling: Sentiment, Events And Mediality. *Information, Communication & Society*, 19 (3): 307–324.
- Putnam R. D. (2000) *Bowling Alone: America's Declining Social Capital*. Culture and politics, Palgrave Macmillan.
- Roshchina Y., Roshchin S., Rozhkova K. (2022) Determinants of COVID-19 Vaccine Hesitancy and Resistance in Russia. *Vaccine*, 40 (39): 5739–5747.
- Rueger J., Dolsma W., Aalbers R. (2021) Perception of Peer Advice in Online Health Communities: Access to Lay Expertise. *Social Science & Medicine*, (277): 113117.
- Schermuly A. C., Petersen A., Anderson A. (2021) 'I'm Not an Activist!': Digital Self-advocacy in Online Patient Communities. *Critical Public Health*, 31 (2): 204–213.
- Schneiberg M., Lounsbury M. (2008) Social Movements and Institutional Analysis. In: R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.) *The Handbook of Organizational Institutionalism*. SAGE Publications Ltd: 648–670.
- Skoric M. M. (2012) What is Slack about Slacktivism. *Methodological and Conceptual Issues in Cyber Activism Research*, 77 (7): 7–92.
- Van der Eijk M., Faber M. J., Aarts J. W., Kremer J. A., Munneke M., Bloem B. R. (2013) Using Online Health Communities to Deliver Patient-Centered Care to People with Chronic Conditions. *Journal of Medical Internet Research*, 15 (6): e115.
- Zoller H. M. (2005) Health Activism: Communication Theory and Action for Social Change. *Communication Theory*, 15 (4): 341–364.

TYPOLGY OF ACTIVIST HEALTH ASSOCIATIONS IN SOCIAL MEDIA

The study of online health activism demands new theoretical models because of the changed public environment affected by digitalization. Thanks to the features of digital communication in social media, forms of citizens' associations that previously manifested themselves at a small, local level and/or were episodic have scaled up and became more stable. At the same time, 'traditional' organizations that represent the interests of different social groups in relation to health, access to medical care, etc., have also occupied their respective niches in the digital public space. The purpose of our theoretical analysis was to create a typology of activist health associations present in social media. In order to do it, we used the key elements of the theory of social movements: the requirements for collective action, identity, types of social ties (strong and weak), and emotions. Based on these variables, we described four main types of online health communities, depending on their main unifying factor, namely formal structure, expertise, politically charged emotions, and individuals in need of medical care. Adapting the model of multiple public spheres proposed by Elizabeth Breeze, we divided these types of online associations concerning their potential impact on the institutional environment and the social group they represent. The dimensions along which we ranked each type of online activist community included the potential for influence (political/civic) and the presence or absence of offline representation in the public sphere. The last dichotomy allows us to take into account whether activist associations can interact directly with state institutions. The developed typology of activist online health associations improves the quality of empirical research on digital activism and provides opportunities to include such forms of social movements in normative analysis.

Keywords: online activism, health communities, social movements, social media, public sphere

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-259-274

References

- Arendt H. (2017) *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [The Human Condition]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Armstrong E. A., Bernstein M. (2008) Culture, Power, and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements. *Sociological Theory*, 26 (1): 74–99.

Darja Judina – Lead researcher in the Center for Applied Sociology, Saint Petersburg State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6603-0697>, Saint Petersburg, Russian Federation. Email: d.yudina@spbu.ru

- Barbier G., Liu H. (2011) Data Mining in Social Media. In: C. Aggarwal (ed.) *Social Network Data Analytics*. Springer: Boston, MA: 327–352.
- Bender J. L., Jimenez-Marroquin M. C., Jadad A. R. (2011) Seeking Support on Facebook: A Content Analysis of Breast Cancer Groups. *Journal of Medical Internet research*, 13 (1): e1560.
- Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*, 15 (5): 739–768.
- Breese E. B. (2011) Mapping the Variety of Public Spheres. *Communication Theory*, 21 (2): 130–149.
- Bryukhno A. S. (2022) Sotsial'nye media v deyatel'nosti rossiyskikh nekommercheskikh organizatsiy: faktory ispol'zovaniya [Social Media in Russian Non-profit Organizations: Factors of use]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Herald of Saint Petersburg State University, Sociology], 15 (3): 238–251.
- Cammaerts B. (2015) Social Media and Activism. In: R. Mansell, P. Hwa (eds.) *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. Wiley-Blackwell, Oxford, UK: 1027–1034.
- Carron-Arthur B., Ali K., Cunningham J. A., Griffiths K. M. (2015) From Help-seekers to Influential Users: A Systematic Review of Participation Styles in Online Health Communities. *Journal of Medical Internet Research*, 17 (12): e271.
- Castells M. (1983) *The City and the Grassroots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements*. University of California Press.
- Davis G. F., Zald M. N. (2005) Social Change, Social Theory, and the Convergence of Movements and Organizations. In: G. F. Davis, D. McAdam, W. R. Scott, M. N. Zald (eds.) *Social Movements and Organization Theory*. Cambridge University Press: 335–350.
- Diani M. (1992) The Concept of Social Movement. *The Sociological Review*, 40 (1): 1–25.
- Doh J. P., Guay T. R. (2006) Corporate Social Responsibility, Public Policy, and NGO Activism in Europe and the United States: An Institutional-Stakeholder Perspective. *Journal of Management Studies*, 43 (1): 47–73.
- Dudina V. I., Judina D. I., King E. J. (2017) Fears about antiretroviral therapy among users of the internet forum for people living with HIV/AIDS in Russia. *AIDS care*, 29(2): 268–270.
- Dudina V., Judina D., Platonov K. (2019) Personal Illness Experience in Russian Social Media: Between Willingness to Share and Stigmatization. In: Conference paper, *International Conference on Internet Science*. Springer, Cham: 47–58.
- Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*, (25/26): 56–80.
- Frost J. H., Massagli M. P. (2008) Social Uses of Personal Health Information within Patients-like-me, An Online Patient Community: What Can Happen when Patients Have Access to One Another's Data. *Journal of Medical Internet Research*, 10 (3): e15.
- Habermas J. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. M.: 'Ves' Mir'.
- Habermas J. (2022) *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [The Theory of Communicative Action]. Moscow: 'Ves' Mir'.
- Heise D. R. (1979) *Understanding Events: Affect and the Construction of Social Action*. New York: Cambridge University Press.
- Isupova O. G., Rozhdestvenskaya E. Y., Lagereva A. E. (2021) Kovidnyy resentment v sotsial'nykh setyakh: repertuar motivirovannykh suzheniy [COVID Resentment in Social Media: A Repertoire of Motivated Judgments]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomich-*

- eskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], (5): 374–398.
- Jasper J. M. (2011) Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research. *Annual Review of Sociology*, (37): 285–303.
- Kemper T. D. (2001) A Structural Approach to Social Movement Emotions. In: J. Goodwin, J. M. Jasper, F. Polletta (eds.) *Passionate Politics*. Chicago: University of Chicago Press: 58–73.
- Ljubownikow S., Crotty J. (2014) Civil Society in a Transitional Context: The Response of Health and Educational NGOs to Legislative Changes in Russia's Industrialized Regions. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 43 (4): 759–776.
- Ljubownikow S., Crotty J. (2016) Nonprofit Influence on Public Policy: Exploring Nonprofit Advocacy in Russia. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 45 (2): 314–332.
- McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, (82): 1212–1241.
- Meyer D. S., Staggenborg S. (2008) Opposing movement strategies in US abortion politics. In *Research in social movements, conflicts and change*. Emerald Group Publishing Limited: 207–238.
- Millward P., Takhar S. (2019) Social Movements, Collective Action and Activism. *Sociology*, 53 (3): 1–12.
- Olson Jr. M. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups, with a New Preface and Appendix*. Harvard, University Press.
- Papacharissi Z. (2016) Affective Publics and Structures of Storytelling: Sentiment, Events And Mediality. *Information, Communication & Society*, 19 (3): 307–324.
- Putnam R. D. (2000) *Bowling Alone: America's Declining Social Capital*. Culture and politics, Palgrave Macmillan.
- Roshchina Y., Roshchin S., Rozhkova K. (2022) Determinants of COVID-19 Vaccine Hesitancy and Resistance in Russia. *Vaccine*, 40 (39): 5739–5747.
- Rueger J., Dolsma W., Aalbers R. (2021) Perception of Peer Advice in Online Health Communities: Access to Lay Expertise. *Social Science & Medicine*, (277): 113117.
- Schermuly A. C., Petersen A., Anderson A. (2021) 'I'm Not an Activist!': Digital Self-advocacy in Online Patient Communities. *Critical Public Health*, 31 (2): 204–213.
- Schneiberg M., Lounsbury M. (2008) Social Movements and Institutional Analysis. In: R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.) *The Handbook of Organizational Institutionalism*. SAGE Publications Ltd: 648–670.
- Skoric M. M. (2012) What is Slack about Slacktivism. *Methodological and Conceptual Issues in Cyber Activism Research*, 77 (7): 7–92.
- Van der Eijk M., Faber M. J., Aarts J. W., Kremer J. A., Munneke M., Bloem B. R. (2013) Using Online Health Communities to Deliver Patient-Centered Care to People with Chronic Conditions. *Journal of Medical Internet Research*, 15 (6): e115.
- Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. M.: Progress.
- Zoller H. M. (2005) Health Activism: Communication Theory and Action for Social Change. *Communication Theory*, 15 (4): 341–364.